

Предисловие

Несколько лет назад мы с коллегой отправились в Санкт-Петербург на поиски русского математика, подтвердившего гипотезу Пуанкаре. Григорий Перельман, которого журналисты изображали косматым отшельником с длинными ногтями, отгородился от математического сообщества и ясно дал понять, что намерен отказаться от Филдсовской медали. Его необычное решение отвергнуть математический эквивалент Нобелевской премии — и попытка его китайско-американского конкурента приписать решение двухсотлетней проблемы себе — сулили отличную историю... оставалось только найти Перельмана и убедить его поговорить с нами.

Четыре дня в Петербурге принесли одни разочарования: мы не нашли никого, кто бы в последние годы видел Перельмана или знал, где его искать. Записки, оставленные нами возле его предполагаемой квартиры, лежали нетронутыми. Соседка сказала, что ни разу не видела ее обитателя. Признав уже было поражение, мы почти случайно оказались у квартиры его матери... Пару минут спустя я уже представлялась псевдоотшельнику — интеллигентного вида молодому человеку в спортивной куртке и итальянских мокасинах. Судя по всему, когда мы пришли, он смотрел футбол на большом телеэкране.

Я начала объяснять, что мы пишем статью для журнала “Нью-Йоркер”.

— Вы писатель? — прервал меня Перельман на безупречном английском. — Книгу не читал, но видел фильм с Расселом Кроу.

Так что где бы ты ни жил, надо быть *настоящим* отшельником, чтобы не знать об удивительной истории Джона Нэша.

Существует множество историй о взлетах и падениях выдающихся людей. Но лишь немногие, а правдивых — вовсе единицы, включают в себя еще и третий акт. В истории Нэша был такой третий акт. Акт III в жизнеописании Нэша — его чудесное пробуждение.

Именно этот акт трогает сердца людей во всем мире — особенно тех, кто страдает от тяжелого психического заболевания или любит психически больного человека.

В одном из эпизодов фильма, когда кажется, что для Нэша все кончено, его жена Алисия берет руку мужа, прижимает к сердцу и говорит: “Я должна верить, что чудеса случаются”.

И чудо случилось.

Самое дорогое для меня читательское письмо написал бездомный. Оно пришло в грязном конверте без обратного адреса и было небрежно нацарапано на ядовито-оранжевом листочке. Подпись гласила: Беркли-бэби. Теперь — после истории с сибирской язвой — отдел писем “Нью-Йорк таймс” ни за что бы его не пропустил.

Оказалось, что его автор до середины семидесятых работал ночным редактором в отделе новостей “Нью-Йорк таймс”. Потом получил диагноз “параноидная шизофрения”, назвался Беркли-бэби и поселился на улице, в окрестностях Калифорнийского университета в Беркли, — одинокая печальная фигура, сродни Призраку Файн-холла.

“История Джона Нэша дает мне надежду, что когда-нибудь этот мир вернется и ко мне”, — написал он.

К Джону Нэшу мир вернулся спустя тридцать с лишним лет, и именно этот третий акт привлек мое внимание к его истории.

В начале девяностых я была репортером в “Нью-Йорк таймс”, писала про экономику. Как-то я брала интервью про торговую статистику у профессора Принстонского университета, и тот сказал, что, по слухам, “сумасшедший математик”, который бродит по математическому факультету, попал в шорт-лист Нобелевской премии по экономике. “Это вы про Нэша, автора равновесия Нэша?” — спросила я. Он посоветовал мне созвониться кое с кем с математического факультета, чтобы узнать подробности. Повесив трубку, я уже понимала, что в этой истории сплелись воедино сказка, греческий миф и шекспировская трагедия.

Я не стала об этом писать сразу. Попасть в шорт-лист — еще не значит получить премию, поэтому статья в газете стала бы разглашением частной информации. И действительно: в 1993 году премия досталась другому. Но на следующий год я увидела Нэша в списке нобелевских лауреатов, бросилась с этим сюжетом к редактору — и история тронула его до слез.

Добыть подробности оказалось непросто. Все, кто хоть что-то знал, отказывались не только от интервью, но и от простой беседы. Наконец сестра Нэша, Марта Легг, нарушила заговор молчания вокруг болезни, искалечившей его судьбу.

Ллойд Шепли, еще один основоположник теории игр, так описывал магистранта Нэша конца сороковых, когда тот написал свою знаменитую статью по теории игр: “Он был инфантильным, несносным паршивцем. Но все это можно было простить за его пронизательный, логический, прекрасный ум”.

Теперь вы знаете, кому я обязана названием этой биографической книги*.

Шепли, ставший Нобелевским лауреатом в 2012-м, умер в марте этого года.

Поскольку саму историю Нэша все уже знают, в этом предисловии я хотела бы поделиться менее известными подробностями:

* В оригинале книга называется “*A Beautiful Mind*”, то есть “Прекрасный ум”.

рассказать о создании этой книги и о том, что случилось после выхода книги и фильма.

В июне 1995-го я оказалась в Иерусалиме. К тому времени я уже составила заявку на книгу, нашла издателя и приготовилась провести год в Институте перспективных исследований. Но встретиться с моим главным героем, к сожалению, никак не удавалось, а по телефону мы обменялись лишь парой слов. Узнав, что Нэш собирается в Иерусалим на конференцию по теории игр, я решила тоже туда поехать.

Кто-то, возможно, помнит, что сказал Джон Нэш о Джоне фон Неймане, от которого получил один из худших советов, когда-либо данных аспиранту. К счастью, Нэш не воспользовался советом фон Неймана. К несчастью для меня, он решил проигнорировать и другой совет, полученный им от множества друзей и сочувствующих: сотрудничать с биографом.

“Уважаемая миссис Назар, я решил придерживаться швейцарского нейтралитета...” — написал он в типичном для себя стиле.

Как гласит пословица, чтобы вырастить одного ребенка, нужна целая деревня. Чтобы составить резюме Нэша в шесть строк и краткий список его публикаций, кто-то потратил несколько недель. А чтобы воссоздать историю всей его жизни, понадобились сотни источников. Всех деталей не знал ни один человек: ни Алисия, ни сыновья Нэша.

Оказалось, что из тысяч осколков и крупиц, собранных из сотен интервью, десятков писем и горстки документов, можно склеить единое жизнеописание. Отчасти тут сыграло свою роль математическое сообщество, которое — подобно хору в древнегреческом театре — наблюдало, комментировало, вспоминало, поясняло и создавало фон.

Но в первую очередь это получилось потому, что Джон Нэш всегда был звездой и невозможно было не замечать его и не думать о нем. Многим ли из нас удастся оставить в памяти людей такой же яркий след, какой оставлял он — даже в те времена, когда до сказочного финала было еще очень далеко?

И, конечно же, это стало возможным потому, что Алисия никогда не переставала верить в чудо. Алисия хотела, чтобы история Джона была рассказана, потому что она может стать опорой для людей, страдающих психическими заболеваниями.

Как-то приятель спросил у Нэша, где Алисия. Джон ответил: “Ужинает с Сильвией”. И, помолчав, добавил: “Надеюсь, они говорят не обо мне”.

На самом деле Алисия была невероятно осмотрительна и очень тщательно оберегала личную жизнь Нэша. Помню лишь одно исключение: как-то раз в подвальном помещении банка мы перебирали содержимое ее банковской ячейки в поисках подходящих фотографий. Ей попались маленькие любительские снимки ее и Джона с Феликсом Браудером у бассейна Калифорнийского университета в Беркли. Именно один из этих снимков, на котором Нэш выглядит мускулистым красавцем, будто сошедшим со страниц глянцевого журнала, убедил Грейдона Картера все-таки опубликовать отрывок из этой книги в журнале “Вэнити фээр”. (Брайен Грейзер сказал мне, что купил права на книгу по совету Грейдона.)

Держа в руках эту фотографию, Алисия хихикнула и спросила: “Правда, у него *классные* ноги?”

Нэш так и не согласился дать мне интервью для этой книги.

Когда в свет выходит чья-нибудь прижизненная биография, встречи автора и героя часто проходят в кабинете адвоката (даже если книга была авторизована). У нас было не так.

Мы встретились на бродвейском спектакле “Точка зрения Эми” с Джуди Денч в главной роли. Нэш сказал — это первая бродвейская постановка, которую он видел. Позже им с Алисией больше понравилась пьеса “Доказательство”. Я сидела за ними и видела, как их плечи тряслись от смеха. Дэвид Оберн, автор “Доказательства”, рассказывал мне, что идею сделать сестер дочерьми сумасшедшего математика он взял из истории Джона.

Наблюдать за возвращением человека к жизни необыкновенно приятно, даже если речь идет о таких простых вещах, как вождение машины или чашка кофе в “Старбаксе”. Когда я брала у Нэша интервью для статьи в “Нью-Йорк таймс” про нобелевских лауреатов и про то, на что они потратили свою премию, я спросила, как премия повлияла на его жизнь. Он ответил, что теперь, пожалуй, может заплатить два доллара за чашку кофе в “Старбаксе”. “Бедные не могут себе этого позволить”, — добавил он.

Не менее увлекательно наблюдать, как возвращение человека в жизнь влияет на жизни миллионов других людей. Многие говорили мне, что больше не смогут пройти мимо грязного и лохматого человека, который кричит что-то на всю улицу, не сказав себе, что у него есть родители, братья или сестры, есть прошлое, а может, и, как у Джона Нэша, будущее. И в этом сила нашумевших историй.

На съемках фильма “Прекрасный ум”* я впервые побывала, когда Рон Ховард снимал сцену свадьбы в Нижнем Ист-Сайде. Там были все исполнители главных ролей, поскольку репортер из “Нью-Йорк таймс” собирался взять у всех у нас интервью.

Я встретила с Акивой Голдсманом, сценаристом, без которого фильм никогда бы не появился и уж тем более не получил бы “Оскара”. Именно Голдсману принадлежала блестящая идея: сделать так, чтобы в первой половине фильма зритель видел мир глазами Нэша. Оказавшись на месте Нэша, а потом потеряв почву под ногами, зрители не только погружались в происходящее, но и на собственной шкуре ощущали, каково это — не отличать реальность от галлюцинации.

После того как Рон Ховард показал фильм Джону и Алисии, я позвонила им. “Джон, ну как?”

Не помню его точных слов, но хорошо помню, что он упомянул три момента, которые ему понравились:

* В российском прокате фильм идет под названием “Игры разума”.

Во-первых, было смешно.

Во-вторых, действие развивалось динамично, а Джон — любитель боевиков.

В третьих...

“Мне кажется, что Рассел Кроу немного на меня похож”.

Если вы думаете, что Нэш себе польстил, знайте: когда Рон Ховард отвечал на вопросы аудитории в киношколе Нью-Йоркского университета, несколько математиков из Курантовского института подошли к нему и сказали, что Джон Нэш действительно был похож на Рассела Кроу в сцене с белой футболкой.

Фильм сделал Нэша знаменитостью. Я летела в Мумбаи, на конференцию по теории игр, где собиралась встретиться с Амартией Сеном, еще одним лауреатом Нобелевской премии по экономике. Соседка слева спросила, зачем я лечу в Индию, и тут подошел стюард с индийской газетой, где на первой полосе, прямо рядом с фотографией Сена, была фотография Джона Нэша, главного докладчика. Мне оставалось только ткнуть пальцем. В Мумбаи, как и в Пекине и других городах, куда Нэша приглашали выступать, его окружали толпы репортеров и доброжелателей.

А еще история Нэша увлекла детей и подростков: надо же, совсем молодой, да еще и с закидонами, а сумел добиться удивительных результатов и обставить старшее поколение! Оказывается, математика — это круто.

Уважаемый мистер Нэш, здравствуйте!

Мне 9 лет. Меня зовут Элли. Я девочка. Я вами восхищаюсь. Вы для меня премьер [орфография сохранена] во многих вещах. Я думаю, вы самый умный человек на свете. Я очень хочу стать такой, как вы. Я хотела бы заниматься математикой. Только у меня не очень хорошие способности. Я занимаюсь. И мне нравится. Просто у меня плохо получается. А у вас в детстве так было? Пожалуйста, ответьте.

С приветом, Элли.

P.S. Мне ОЧЕНЬ нравится ваша фамилия.